

УЖЕ ОПАЗДЫВАЯ на самую важную из назначенных на сегодня встреч, Питер бежал через центральную площадь Государственного университета Эмпайр. Он полностью сосредоточился на том, чтобы бежать не слишком быстро, и хлопок по спине застал его врасплох.

— Ты ведь Питер Паркер, верно?

Лицо приветствовавшего Питера парня было дружелюбным, но совершенно незнакомым.

— В общем, да, если ты — не по поводу оплаты счетов...

В ответ незнакомец подал ему руку.

— Рэнди Робертсон. Робби Робертсон — мой папа.

Улыбнувшись и пожав его руку, Питер попытался припомнить, говорил ли редактор отдела городских новостей, что его сын поступил в ГУЭ.

— Понятно!

— Папа сказал, что один из его внештатных фотографов здесь — особо важная персона.

— Особо важная? Да я даже опоздать на минуту не могу. Рад познакомиться, но... — слова «я опаздываю» застряли у Питера в горле. С виду Рэнди был в кампусе таким же новеньким, как его кроссовки. Ладно. Еще минута задержки уже ничего не изменит. — Как тебе здесь? Нужно помочь что-то найти? Кафе? Туалет? Первое всегда влечет за собой второе, верно я говорю?

Рэнди пожал плечами.

— Нет, все в порядке, просто хотел познакомиться лично. Ты ведь тоже на акцию протеста, да?

Он указал кивком головы на большую толпу, готовившую плакаты для акции всего в нескольких ярдах от них.

«Ух ты. Как я не заметил? Их же не меньше сотни».

В центре толпы стоял активист Джош Киттлинг, настоящая «особо важная персона». Стоило Питеру попасть под прицел его взгляда, звучный голос Киттлинга загредел, вырываясь на волю из тщедушной груди:

— Паркер, хватай маркер и пиши! Если ты не с нами, ты против нас!

Питер почувствовал себя так, будто минимум половина собравшихся уставилась на него.

— Э-э... а именно? За что я — или против чего?

— За студенческое самоуправление! — Киттлинг указал через площадь в сторону Выставочного зала. — Вот эти древние руины привлекают меньше пожертвований, чем рассчитывает администрация, и потому наше начальство планирует истратить десять миллионов на их ремонт. А мы хотим, чтобы эти деньги пошли на стипендии нуждающимся.

Обычно Киттлинг был прав — однако не всегда. Опасаясь дьявола, который вполне мог скрываться в деталях, Питер не спешил обещать ему полную поддержку.

— Ну, не знаю. Может, если отремонтировать старое здание, это принесет лишних денег на

финансовую помощь. Вот и убьем двух зайцев одним выстрелом, разве нет?

— С раздумьями покончено, дружище. Настало время действовать.

«Тьфу ты! Он, конечно, хороший парень, но последний разговор с ним едва не привел меня на надувную лодку, гоняться за протекающими нефтеналивными танкерами. Я обеими руками за окружающую среду, но должен же кто-то и с суперзлодеями драться».

— Все это очень интересно, Джош, но я опаздываю.

— Да уж. Уверен, это куда важнее, чем помешать корпоративной культуре уничтожать наше образование.

На этот раз толпа шикала на Питера, пока не подал голос Рэнди:

— Легче, легче. Ты ведь не знаешь, куда и зачем он идет.

Но Киттлинг лишь с вызывающим ярость снисхождением покачал головой.

— С меня довольно того, что он отказывается отстаивать общие интересы.

Питеру, книжному червю, вдоволь натерпевшемуся нападков и притеснений в школьные годы, до смерти захотелось рассказать всем, что он отстаивает в качестве Человека-Паука, но это было невозможно. Стараясь не обращать внимания на возмущенные «бу-у!», он скрипнул зубами и пошел прочь.

Но как ни крепко были стиснуты его челюсти, когда он покидал площадь, он невольно разинул рот, едва завидев Гвен Стейси. Прислонившись к витрине кафе «Кофейное Зерно», она прижимала к груди стопку книг. Увидев, как прояснилось ее лицо при его появлении, Питер вдруг обнаружил, что погода на редкость хороша.

— Эй, милый! — окликнула она Питера.

Рысцей он подбежал к ней. Она выставила вперед щеку — для поцелуя, который он с радостью и обеспечил.

— Видал этот бурный протест?

— Ага, — пробурчал он. — Не хочешь составить им компанию? К тому времени, как мы вернемся из Квинса, Джош с остальными, вполне вероятно, успеют захватить Манхэттен, Бронкс и Стейтен-Айленд в придачу.

— И остаться без твоих цитат из старых песен? Ни за что! Кроме этого, я уже подписала их петицию и написала нашему декану.

— Они составили петицию? У нас есть декан?

Хлопнув Питера по плечу, Стейси потянула его к метро.

— И даже лекции. Я расскажу о них по пути к твоей тете.

Стремительный бег поезда был слишком громок, чтобы беседовать, и Питер довольствовался тем, что разглядывал Гвен. Он был влюблен навсегда — даже если забыть о ее платиновых светлых волосах, оленьих глазах и миловидной фигуре. Дочь капитана полиции, она

унаследовала от отца твердые нравственные принципы и не менее твердый, когда дело доходило до отстаивания собственных убеждений, характер. В отношениях с ней Питера беспокоил только один вопрос: что она только, черт возьми, нашла в таком, как он?

Конечно, их отношения не были обычным танцем парня и девушки. Ему приходилось скрывать от нее оборотную сторону своей жизни, и суперзлодеи вторгались в их отношения на каждом шагу. То Метеор, то Носорог, то Расплавленный Человек, то Стервятник, то Зеленый Гоблин, то Шокер, то Ящер, то тот, то этот... Рано или поздно он столкнется с каким-нибудь проходимцем, который назовется просто «То».

Первую лекцию в ГУЭ он, отвлеченный паучьими делами, просидел, ссутулившись, с отсутствующим видом, и все решили, что он — сноб. Но та, что сидела рядом, прижавшись к нему плечом, оставила без внимания ухаживания Флэша Томпсона и первой подошла к Питу. Отчего? Может, унаследовала от отца и нюх на тайны? Однако, когда он «таинственно» сбежал от опасности, она вместе с остальными сочла его трусом и отвернулась от него...

На половине пути двери вагона со свистом разъехались. Пользуясь недолгим затишьем, Гвен наклонилась к его уху и что-то шепнула.

— Что ты говоришь?

— Говорю, что очень рада быть с тобой.

Он еще крепче прижал ее к себе.

— Ага, я и в первый раз слышал. Просто хотел услышать еще раз.

Когда Эм-Джей начала намекать, что Гвен питает к нему нечто большее, чем дружеские чувства, это просто не укладывалось в голове. И даже когда Гвен сама сказала, что «запала на одного застенчивого шатенистого байкера», он решил, что она шутит.

Толчок в плечо вернул его из прошлого в настоящее.

— Приехали, прекрасная мечтательница!

— А?!

— Думала, ты любишь старые песни [«Прекрасная мечтательница» (англ. Beautiful Dreamer) — популярная песня, написанная Стивенем Фостером в 1864 г. и входившая в репертуар многих исполнителей, в т. ч. Бинга Кросби, Роя Орбисона, Джерри Ли Льюиса и др. (Здесь и далее — примеч. переводч.).]...

— А, да. Верно.

Они вышли на высокую платформу станции Форест-Хиллс в разгар обеденного времени. Питер вспомнил о галантности и постарался расчистить для Гвен путь.

Впрочем, хорошим кавалером он не был никогда. На их первом свидании он умудрился забыть даже о том, что Стейси — его коллега и сокурсница. Однако после того как Питер внезапно исчез, чтобы схватиться с Доктором Осьминогом, она не назвала его трусом — она крепко обняла его, искренне волнуясь, не ранен ли он.

Это заставило Питера призадуматься.

Вернее, это, наоборот, заставило выкинуть лишние мысли из головы.

Идя под руку с Гвен вдоль зеленых улиц своего детства, Питер думал, отчего до сих пор не рассказал ей обо всем. Они могли болтать на любые другие темы, какие только можно вообразить, но о другой, тайной стороне своей жизни он неизменно молчал. Дистанция, которую он вынужден был соблюдать в отношениях со всеми вокруг, сильно омрачала и его отношения с Гвен.

Конечно, и она чувствовала это. Отрицание очевидного стало его личным «пунктиком».

— Пенни за твои мысли?

— Прогодаешь, Гвен.

Конечно, он мог бы сказать, что беспокоится о тете Мэй. В общем, это было правдой. Когда Питер поселился в Вилледж, у Гарри, к выросившей его женщине переехала Анна Уотсон, тетка Мэри Джейн. Несколько дней назад она сообщила, что тетя Мэй плохо себя чувствует, а возможность навестить ее появилась только сегодня.

Но его мысли были заняты не только этим, а рассказать Гвен лишь половину правды было все равно, что оскорбить ее.

— И отчего мне так везет на молчунов?

— А?

— Нет, ничего.

Стоило им подойти к крыльцу скромного двухэтажного домика, «больная» тетушка Питера распахнула дверь прежде, чем он успел постучать.

— Питер!

Лицо ее, несмотря на множество морщин, лучилось жизнью и весельем, улыбка сияла. Питер поцеловал ее в щеку.

— Кто-то уже надел бальные туфельки? А миссис Уотсон сказала, тебе нездоровится.

— Вздор, не слушай ее! Я сильна, как лев — особенно когда меня навещает племянник! — она перевела взгляд на Гвен. — Боже мой, да вы — чудесная пара!

Войдя в дом, Гвен обняла ее.

— Надеюсь, вы не будете возражать, миссис Паркер.

Тетя Мэй прижала ладонь к губам.

— Возражать? Похоже, ты серьезнее, чем мне кажется. Скажу одно: ты очень и очень порадовала глупую сентиментальную старуху!

Тут к ним присоединилась и странно сдержанная Анна Уотсон, и на несколько часов Питер выкинул из головы все свои тайны. За чаем с печеньем он всю наслаждался редким чувством — он был не сам по себе, он был членом семьи. А еще частью их семьи была и Гвен, и это было просто прекрасно.

Едва они вновь оказались на улице, Гвен взяла его под руку.

— Взгляд этой женщины чист, как у новорожденного. Если тебя вырастила она, неудивительно, что ты слегка не такой, как все.

* * *

КАК ТОЛЬКО единственная оставшаяся в живых родственница Питера закрыла за ним дверь, Анна Уотсон бросилась к ней, подхватила, не позволив упасть, довела до тахты и помогла лечь.

Устроив подругу поудобнее, Анна сердито заговорила:

— Мэй Паркер! Почему ты не сказала ему о результатах обследования? Нельзя же оберегать его всю жизнь — он уже взрослый. Он имеет право знать.

Мэй устало отмахнулась:

— Знаю, Анна, знаю, — она повернулась лицом к послеполуденному солнцу, сиявшему за окном. В ярком свете в белках ее глаз отчетливо проступила желтизна. — Но Питер еще в детстве достаточно настрадался, и с этой девушкой ему было так хорошо... Мне не хватило духу испортить ему настроение.

Анна Уотсон неодобрительно прищелкнула языком, но промолчала

<http://tl.rulate.ru/book/25490/531807>